

Вишневая гора

Уральская народная сказка

От нашей деревни до Вишневой горы, наверно, верст пять наберется. Никто точно не мерял. Весной и летом дойти до нее было трудно. Кругом, куда ни ступи, болота стоячие. Березовых колков тут совсем мало, но зато тальников и вербы хоть отбавляй. Захочешь, бывало, пройти, бери топор и дорогу топором прорубай.

Прежде называлась эта гора Лихоманной. И носила она такое имя не зря. Сказывают, будто находилась там пещера, а в ней жила Лихоманка, которая на людей болезнь напускала.

По утрам и вечерам с болот туманы ползут, как дым, по земле стелются. Под их покровом и приходила Лихоманка в деревню. То девкой молодой явится, то старухой-нищенкой, а то совсем никому не покажется, но свое дело исполнит. Смотришь, на другой день, когда на дворе солнышко печет и от жары деваться некуда, то в одной избе, то в другой люди от озноба страдают.

Наденет человек шубу, шапку, пимы, чаю горячего напьется да еще на теплую печь полезет, а согреться не может. Треплет его Лихоманка, знобит. Так-то все лето над человеком измывается: день отпустит да день треплет, день отпустит да день треплет.

Лихоманка никого не щадила: ни малого, ни старого. Иного мужика так вымотает, что он весь пожелтеет, как осенний лист. Каждую неделю колокол церковный звонил. Это, так и знай, Лихоманка кого-то уморила. Житья не стало, хоть из деревни беги.

Чего только наши деревенские не делали, чтобы от проклятой Лихоманки избавиться! Молебны служили — не помогает. С крестным ходом ходили — не помогает. Знахарей и знахарок на ноги подняли, но и от них толку не добились.

На самом краю деревни жил Платон Рябой. Здоровенный был мужик: пятипудовыми мешками, как мячиками, играл и, бывало, на спор туго закрытую дверь лбом открывал. Стукнет лбом — дверь настезь. Но и его Лихоманка одолела.

Посоветовали знахари Платону на испуг Лихоманку взять. Как только начнет она его знобить, он сейчас же в холодную воду окунется. Сердце останавливается и дух захватывает от воды, а Лихоманке хоть бы что!

Был бы он один, так еще как-нибудь стал бы терпеть. А у него семья. Люди отсеялись, пары поднимать начали, хлеба уже в колос пошли, а Платон не сеял, не пахал. Осень придет — надевай суму да по миру иди.

Сидит он однажды на завалинке, в овчинный тулун закутался, греется на солнышке. Смотрит, идет мимо его двора хромая старуха, на батожок опирается. Видно, в лес пошла.

Платон подозвал ее к себе и спрашивает:

— Не знаешь ли, баушка, как Лихоманку из тела выжить?

Терпежу больше нет! Вся семья с голоду погибнет, если я не поправлюсь.

Старуха этак на него покосилась, что-то про себя прошамкала и ответила:

— Знаю я, милый сынок, верное средство.

— Ой, баушка, скажи! Век тебя помнить буду.

— Да уж, видно, придется рассказать. Вот слушай. Найди в погребе старую редьку. Полезай с ней в подпол да там, в переднем углу избы, зарой ее в землю хвостом вверх. Потом дождись, когда солнышко на полдень поднимется, возьми полковника парового дегтя и выпей. Озноб как рукой снимет.

Сказала это старуха, и не стало ее.

А Платон так обрадовался, что даже не подумал: хорошо ли, плохо ли старуха присоветовала.

Кликнул он своего старшего сына Никитку:

— Ну-ка, беги за редькой. Да попутно парового дегтю налей.

Никитке тогда уже шел шестнадцатый год. Был он весь в отца, такой же здоровущий. И умом не был обижен.

Парень и засомневался:

— К чему тебе, тятя, деготь? Обутки, что ли, мазать?

— Лечиться буду. Не разговаривай, сейчас же неси! — закричал на него Платон.

Никитка, понятно, спорить не стал, принес.

А на второй день по Платону пришлось поминки справлять.

На поверку выходило, что под видом старухи к Платону сама Лихоманка являлась. Ознобом мужика не могла свалить, так эвон какую штуку придумала!

Следом за Платоном и жену его, Настасью, загубила.

Остался Никита в своем дворе за хозяйку и за хозяина. С ним еще двое: Санька да Аринка. Вскоре и девочку Лихоманка начала терзать.

Уж кого другого, а сестру Никитке было больше всех жаль. Он для нее нянькой был. Отец с матерью, бывало, на поле уедут, а он с Аринкой водится: в зыбке качает, из рожка молоком поит, сказки рассказывает. И девчоночка его ласку понимала. Вечером спать не ляжет, пока Никита ее по головке не погладит.

Как заболела девочка, парень совсем сна лишился. Целыми днями и ночами от нее не отходил. Теплыми кирпичами обкладывал, чтобы лучше согреть. Наваром из травы стародуба поил. Муравьиным спиртом натирал.

Потом прослышал от соседей, что какая-то бабка из другого села помогает против Лихоманки наговором. Сбегал к ней, последний пуд пшеницы отдал и упросил, чтобы поворожила над Аринкой.

Положила бабка девочку на самый край печи, догола ее раздела и начала на ней узелки вязать. На руках и на ногах

каждый пальчик ниточками обернула, узелками закрепила. Вяжет узелки, а сама шепчет:

— Чур, чур, перечур! Летит ястреб по небу, бежит волк по полю. Так и ты, Лихоманка, убеги, так и ты, Лихоманка, улети.

Чур, чур, перечур. Черны тучи разбегаются, ветры буйны березы гнут. Чур, чур, чур, Лихоманка, сгинь...

Под конец веник взяла да сухим веником Аринку попарила и с уголька сбрызнула.

— Ну, — говорит, — теперь твоей сестренке полегчает.

А как ночь подошла, Аринке еще хуже стало. По постели мечется, жар от нее, как огнем, палит.

Тут уж Никитка не выдержал, встал посередь избы и крикнул:

— Эх, кто бы мне помог Лихоманку сыскать? Я бы жизни не пожалел, а ее уничтожил!

И только он это крикнул, за печью сверчок затрещал. Вышел оттуда запечный сверчок-старичок и сказал:

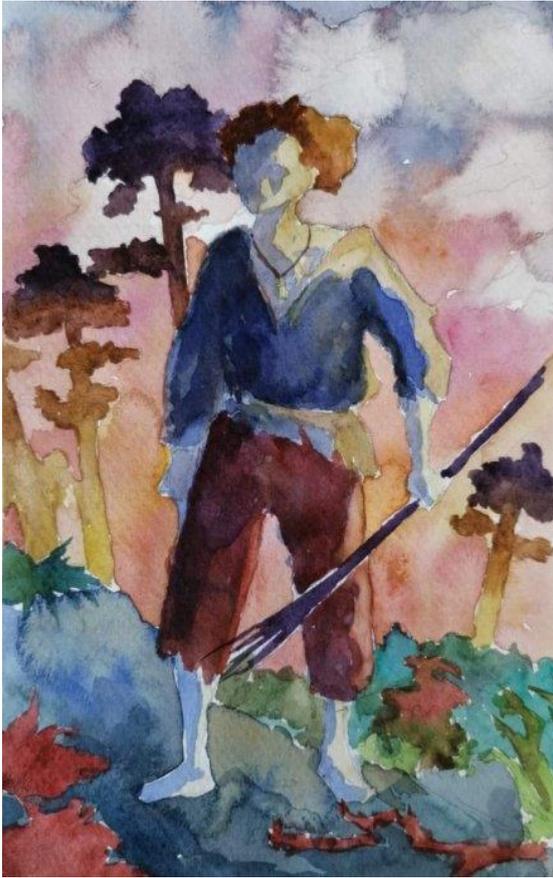
— Я тебе помогу, если ты своему слову не изменишь.

— Нет, не изменю! Только бы народ от Лихоманки избавить и чтобы Аринка наша оздоровела.

Ну, и рассказал ему старичок, запечный сверчок, как и где Лихоманку найти.

Наутро, чуть свет, отковал Никита в кузнице железную острогу длиной полторы сажени. Ремень к ней прикрепил, чтобы рука не срывалась. Хорошенько наточил зубья, полынью их натер, как старичок, запечный сверчок, велел.

На обратном пути домой зашел. Аринку поцеловал и братишке наказал:

— Ты, Санька, за Аринушкой присматривай. Если что нужно будет, соседей позови. Ну, а коли я не вернусь, народ вас в нужде не оставит.

До горы, где Лихоманка жила, Никита полдня добирался.

По болотам с кочки на кочку перескакивал. Об осоку руки, как ножом, изрезал. В тальниках рубаху в клочья порвал. Босые ноги сухими бодыльями поранил. Комары со всех мест тучами поднялись и его облепили. Кусают, к горе ход закрывают. Лихоманка, видишь ли, для них

мать родная.

На горе травы растут густые, высокие, никогда литовкой не тронутые. Комаров тут еще больше.

Набрал Никита смолья, зажег его. Комариную стаю дымом обдало. Ну вроде стало полегше.

Начал Никита Лихоманкину пещеру искать.

Долго ходил по горе вдоль и поперек. Наконец нашел.

Посреди трех старых берез лежит каменная плита, а рядом с ней ход в пещеру. Щель совсем чутошная, под землю уходит. Туда, может, только мышь пробежит, либо змея проползет, а человеку даже руку просунуть некуда.

На плите по ночам Лихоманка в лунном свете купалась, косы заплетала и пляски плясала.

Не успел Никита вокруг осмотреться, выходит из-за одной березы нарядная баба: сарафан зеленый, под цвет осоки болотной, глаза тоже зеленые.

— Здравствуй, паренек! Как ты на гору попал и чего тебе тут надобно?

У Никиты по телу озноб пробежал. Испугался. Сразу-то не понял: откуда баба взялась? А потом, как присмотрелся поближе, увидел, что вместо рук у нее лапы лягушачьи. Это, значит, и была сама Лихоманка болотная.

— Тебя ищу.

— Неужто соскучился?

— На тебя острогу наточил. Хватит тебе людей мучить!

Лихоманка в ответ хохотать начала, словно жаба заквакала.

Поднял на нее Никита острогу, замахнулся, а воткнуть не

успел: на том месте, где Лихоманка стояла, темное облачко образовалось и, словно туман, в траве растаяло. Вслед за этим опять жаба заквакала, потом из травы змея выползла, уставилась на Никиту зелеными глазами и зашипела:

— Ну, ш-ш-што, видел теперь, как на меня руку подымать?

— Видел. Но все равно от меня не уйдешь!

— С-с-ступай огс-с-с-сюда, пока ж-ж-жив...

— Нет. Обрато мне дорога закрыта. Не затем я сюда шел!

— крикнул в ответ Никита и опять нацелился в нее острогой.

Змея о землю ударилась — с глаз пропала.

Вспомнил тут Никита слова, которые ему старичок, запечный сверчок, говорил:

"Как начнет она от тебя прятаться, в тот самый момент открой у себя острым зубом остроги на левой руке кровь (эта кровь близко от сердца идет) и побрызгай ею кругом на траву. Лихоманке через нее не перейти, а потому дальше пещеры она не скроется. Там ее дом. Если каменную плиту над пещерой поднять не сможешь, то и на нее крови своей капни".

Никита так и сделал.

Лишь капли крови на траву упали, змея хвостом мелькнула и в щель, под плиту ушла.

Взялся Никита за плиту обеими руками, изо всей силы рванул, а она даже не шелохнулась. Тогда он и на нее крови брызнул. Плита сразу же в сторону ушла, а под ней пещера открылась. Оттуда сыростью и плесенью потянуло.

Спустился парень под землю. В пещере туман, потолок тенетами опутан, по стенам гнилая вода течет. Вот откуда болота воду набирали.

Заметалась змея по подземелью, кольцом свернулась, жало выпустила и только хотела на Никиту кинуться, а он ее тут острой и пригвоздил...

Что же после этого было?

Прикончил Никита Лихоманку, но и сам ослаб, много крови-то на горе оставил. На обратном пути споткнулся о кочку, упал, и болота его засосали.

Аринка поправилась. Соседи ее и Саньку к себе взяли, вырастили и в люди вывели. Каждую весну Аринка на гору ходила, венки из цветов плела и на березку вешала, в память о братце.

Пещера под теплым солнышком просохла, земля над ней обвалилась, и, кроме ямы, теперь там ничего нет. И без той пещерной воды болота высохли. На их месте теперь покосы.

А на самой горе, всюду, где Никита ходил, когда Лихоманку искал, и где кровью своей на траву брызгал, выросли вишневые кусты. Когда вишня поспеет, под листочками ягодки, словно капли крови, висят.

С той поры и называется гора Вишневой.